

На правах рукописи

ХЛЕБНИКОВА Ольга Владимировна

**САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ В КАЧЕСТВЕ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ)**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания
(философские науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Омск – 2015

Работа выполнена на кафедре истории, философии и культурологии
ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет путей сообщения»

Официальные оппоненты:

Анкин Дмитрий Владимирович,
доктор философских наук, доцент,
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина», профессор
кафедры онтологии и теории познания;

Донских Олег Альбертович,
доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный университет экономики
и управления (НИНХ)», заведующий
кафедрой философии;

Черняк Наталья Алексеевна,
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского»,
доцент кафедры философии.

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Красноярский
государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева»

Защита диссертации состоится 7 апреля 2016 г. в 11.00 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.177.03 при Омском государственном педагогическом университете по адресу: 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14, ауд. 212.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета:
<http://www.omgpu.ru/zashchita-dissertaciy>.

Автореферат разослан января 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Варова Наталья Леонидовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Круг интересов философии предельно тотален и так же предельно безотносителен. Он охватывает одновременно и весь мир в целом, и каждую его часть по отдельности. И, быть может, одним из самых важных и актуальных философских вопросов всегда являлся вопрос о существовании феномена философии как такового, о содержании философского действия самого по себе. Ответ на этот вопрос во все времена и внутри любых культурных эпох с удивительным постоянством оказывался затрудненным. Причины такого положения дел, конечно, каждый раз различались. Непосредственно в наши дни действуют, как нам кажется, три основных обстоятельства, зачастую препятствующих построению адекватного образа философии (как на уровне социума вообще, так порой и на уровне собственно профессиональной философии).

Во-первых, речь идет о некоей изначальной и, по-видимому, непреодолимой склонности философского знания к декларативному игнорированию «требований времени», социальных заказов и простых человеческих ожиданий.

Во-вторых, распространившаяся ныне повсеместно массовая культура препятствует любым проявлениям экономически не рентабельного интеллектуализма. И, в этом смысле, именно философия сейчас выступает в качестве своего рода наиболее знаковой персоны *non grata*. Ее презумпции искажаются, тезисы отрицаются, а выводы подвергаются остракизму.

В-третьих, в области философии и философствования, несмотря на определенный сущностный эскапизм самих этих занятий, действуют, тем не менее, как и в других сферах культуры, различные «внешние» факторы, постоянно продуцирующие некоторые интересные эмерджентные эффекты. К числу подобных факторов можно отнести, например, господствующие технологии, социальные институты, преобладающие типы рациональности и пр. Их воздействие в конечном итоге видоизменяет саму идею философского отношения к действительности. Однако осознание данного изменения иногда запаздывает, и философская речь порой произвольно запутывает собственные следы, непреднамеренно отсылая и говорящего, и слушающего к уже исчезающему когнитивному контексту.

Данная ситуация, безусловно, требует системного и целостного осмысления как в целях прояснения того места, которое занимает философия в жизни общества вообще (в том числе, современного общества), так и в перспективе изучения той реальной роли, которую она играет в процессе воспроизводства тех или иных социальных и культурных констант.

В этом отношении, безусловно, одним из наиболее актуальных для возможного исследования аспектов бытования философии как таковой является, на наш взгляд, ее фактическая воплощенность в качестве специфической письменной, дискурсивной практики, демонстрирующей все признаки устойчивой литературной традиции. Обращение к изучению

указанного обстоятельства обладает принципиальной значимостью хотя бы в силу того, что в современном мире любое знание, любая информация и любая попытка концептуализации действительности вообще могут стать социально и культурно влиятельными феноменами только при условии их практического воплощения в знаковую форму, в некоторый тип письма. Любая концептуальная речь сейчас имплицитно несет на себе черты всех аналогичных предшествующих попыток построения устойчивого образа мира. Это связано с наличествующими глобальными технологиями хранения и передачи информации в целом, с форматирующим воздействием письменности самой по себе на базовые структуры человеческого мышления и социальной организации. Причем, в подобном смысле, по нашему мнению, именно рассмотрение западной философской литературной традиции обладает наибольшим эвристическим потенциалом в деле исследования большинства вероятных особенностей становления и развития письменного дискурса философии вообще, его жанровых и стилистических характеристик, общих деталей смыслообразования внутри философских текстов и т. д.

Актуальность изучения указанной проблематики в наши дни неуклонно растет по причине наметившегося в современном мире глобального перехода от письменных технологий работы с информацией к цифровым формам. Это поистине революционное изменение коренным образом меняет саму исследовательскую практику, сами принципы интеллектуальной деятельности (в том числе, конечно, и в области философии). В перспективе этих очевидных метаморфоз становится предельно важным системное рассмотрение итогов бытования и развития мысли в ее «прежней», письменной форме.

В конечном итоге, всякий познавательный проект такого сорта, проект, связанный, по сути, с изучением поступательного исторического видоизменения глобального отношения человеческого разума к действительности в целом (на примере исследования превращений философского разума), по определению, демонстрирует непреходящую актуальность в силу своей очевидной корреляции с моментами рефлексии над условиями и основаниями становления субъекта познания как такового.

Степень разработанности проблемы

На протяжении всего периода существования западной философии одним из самых широких контекстов, внутри которого вообще поднималась проблема соотношения устной и письменной традиции знания и мудрости, а также проблема сущностных превращений любого размышления при его переводе из устной формы в письменную, оставался контекст изучения устойчивых связей между устной речью и письмом как фактическими бытийными феноменами. К наиболее ранним источникам, по которым фиксируется исследовательский интерес к данной предметной области, можно отнести работы Аристотеля, Блаженного Августина, Боэция, Исидора Севильского, Николая Кузанского, Платона. В трудах указанных авторов письмо рассматривается в качестве запаздывающего во времени в отношении

устной речи и копирующего ее простого, вторичного явления действительности.

Наиболее целостные и развернутые концепции, коррелирующие речь и письмо, возникают только в Новое и Новейшее время. Изначально это происходит в контексте существования эмпирической и рационалистической традиций философствования. Так, например, в эмпирической философской традиции постепенно оформляется тенденция к однозначному разведению понятий речи и письма (и языка в целом) с целью более строгого изучения самих фактических взаимодействий между соответствующими явлениями действительности. С данной тенденцией связаны имена, прежде всего, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Э. Б. де Кондильяка, Д. Локка и Ж.-Ж. Руссо. В рамках рационалистической философской традиции формируется представление, с одной стороны, об общей пассивности устной речи в деле смыслообразования, осуществляющегося универсальным и неизменным мышлением, а с другой стороны, об особом значении письма, чьей задачей является, собственно, передача слов речи. Здесь необходимо упомянуть о работах Р. Декарта, Г. В. Лейбница и Б. Спинозы.

В философии и лингвистике XIX-XX вв. можно выделить несколько интересных подходов к изучению указанной проблематики, различия между которыми обуславливаются расхождениями в глобальных интенциях понимания сущности языка как интегрального феномена, аккумулирующего внутри себя потенции и речи, и письма. Так, в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни мы имеем дело с интерпретацией языка в качестве специфической деятельности, основной формой которой выступает устная речь. Письмо же рассматривается исключительно как ее запись, делающая возможным историческое существование той или иной традиции знания. В произведениях Э. Бенвениста, Г. Гийома, Ю. М. Лотмана и Ф. де Соссюра мы сталкиваемся с общим отношением к языку как к социально и культурно обусловленной знаковой системе, актуализирующейся в полной мере лишь в фонетическом звучании и постоянно находящейся в виду устойчивых иллюзий, навеваемых письмом, тех иллюзий, которые заставляют порой принимать письменную логику за подлинную языковую логику. В работах Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида и У. Эко появляется концепция языка как особой области действия игры означающих, находящихся в процессе непрерывной и неизбежной самоорганизации. Письмо, соответственно, начинает рассматриваться тут в качестве первичного необходимого условия, вообще делающего возможной какую-либо членораздельную речь. Во взглядах Д. Остина, Б. Рассела и Г. Фреге мы обнаруживаем отношение к языку как к понятийному пространству, внутри которого генерируется мысль сама по себе. При этом и устная, и письменная языковые формы рассматриваются в качестве специфического средства превращения нашего личного опыта в опыт социальный, а также и средства выражения, манифестации субъекта. Труды К.-О. Апеля, Л. Витгенштейна и Ж.-Ф. Лиотара акцентируют значение языка

как механизма общественной коммуникации и способа передачи социального опыта. В центре исследовательского внимания данных мыслителей располагается понятие «языковых игр», в контексте изучения которых становится очевидным, что в современных условиях именно письмо, а не речь, все в большей степени обеспечивает функционирование в культуре множества способов легитимации социального опыта. В работах Г. Гадамера, П. Рикера и М. Хайдеггера предлагается концепция языка как феномена, укорененного в сфере действия экзистенции. Причем, онтологическим фундаментом этого феномена выводится устная речь, а полем актуализации опыта понимания – собственно письмо. Взгляды Д. Моултон и А. Най строятся на отрицании факта социальной и гендерной нейтральности языка. Предлагается считать устную речь инструментом борьбы женщин за право не быть «безмолвными», а письмо – пространством политической и идеологической борьбы против всех видов дискриминации.

В рамках рассмотренного предельно широкого контекста изучения взаимосвязей между устной речью и письмом в интересующем нас смысле в современной философии выделилось несколько более узких и специфицированных исследовательских контекстов. Так, огромным значением для настоящей работы обладает концепция М. Мак-Люэна, согласно которой постепенные изменения в масштабах культуры общего соотношения между сказанным и написанным словом, поступательное накопление технологических эффектов письменности вообще привели к серьезным параллельным метаморфозам самих форм человеческого сознания и способов упорядочения жизненного опыта. Фундаментальные изменения общих принципов интеллектуальной деятельности под влиянием технологических изменений в работе с информацией раскрываются также в трудах О. Н. Вершинской, А. Джонса, М. Кастельса, Н. А. Носова, Г. Рейнгольда, Ф. Уэбстера, Р. Шартье, У. Эко, М. Эпштейна. Однако проблема превращений именно философского мышления под воздействием указанных факторов в собственном смысле данными авторами не ставится.

Рефлексия по поводу неустранимости влияния принципов и приемов работы с информацией на деятельность мышления в целом заставляет выстраивать отношение к любой отрасли или области знания (в том числе, к философии) как к специфическому литературному пространству. Данная проблематика отсылает нас к ряду произведений Ж.-Ф. Лиотара и Р. Рорти. Сам термин «литература» интерпретируется в соответствии с взглядами Х. Л. Борхеса, Ж. Женетта, А. Компаньона.

Жанровые особенности философии, взятой в качестве особой литературной традиции знания, раскрываются на основании трудов П. Адо, Аристотеля, Р. Барта, М. Бютора, Т. В. Васильевой, О. А. Донских, А. Ф. Лосева, Платона, В. И. Плотникова, А. А. Тахо-Годи, М. Хайдеггера, М. Эпштейна, В. Ярхо. Необходимо отметить, однако, что упомянутые авторы не ставили перед собой системной задачи по целостному изучению

философии как специфической разновидности литературы и концентрировались только на ее отдельных жанровых свойствах.

Стилистические характеристики философского писательского искусства исследуются на базе работ Н. С. Автономовой, Д. В. Анкина, Аристотеля, А. Бадью, Р. Барта, Г. Башляра, В. В. Бибикина, А. Бретона, А. Вежбицкой, А. делла Вольпе, Г.-Г. Гадамера, В. Д. Губина, Ж. Делеза, Ж. Деррида, У. Джеймса, О. А. Донских, И. Канта, Н. Г. Краснояровой, Г. Д. Левина, А. Ф. Лосева, М. Макдональда, М. К. Мамардашвили, П. де Мана, Н. И. Мартишиной, Л. А. Микешинной, С. Моравски, А. С. Нилогова, Ф. Ницше, Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Рида, А. Ричардса, Ж.-П. Сартра, Д. М. Федяева, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, А. А. Хилла, Ф. В. Шеллинга, О. Шпенглера, Д. Штерна, У. Эко. Нужно, тем не менее, сказать, что данные мыслители не предлагали единой, стройной концепции стилистики философской литературы, а только указывали на некоторые ее особенности.

Роль литературной традиции философствования в современном культурном пространстве в контексте бытования некоторой «грамматики мысли» рассматривается на основе произведений А. Ю. Ашкерова, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Д. Б. Кларка, Ю. Кристевой, М. Мак-Люэна, К. Мангейма, Г. Маркузе, Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Ч. Синченко, Ф. Фукуямы, М. Хайдеггера. Надо отметить все же, что указанные авторы в большей степени изучали сами различные проявления философского мышления как такового, чем фундаментальное значение единства этих проявлений.

Особенности философии в качестве специфической разновидности гуманитарного знания, а также особого социального института, связанного с определенной профессиональной деятельностью, раскрываются в русле работ З. Баумана, М. Вебера, Д. Грея, Ж. Делеза, С. Ф. Денисова, Л. В. Денисовой, Ж. Деррида, П. Джонсона, О. В. Долженко, У. Дюваля, Р. Коллинза, Т. Куна, М. К. Мамардашвили, М. Мерло-Понти, А. П. Огурцова, В. В. Платонова, К. Поппера, В. М. Розина, Р. Рорти, К. Рюби, М. Сюрра, М. Фуко, Ю. Хабермаса, М. Шелера, Л. Шестова, М. Эпштейна. Объединение смысловых контекстов, заданных взглядами данных исследователей, на наш взгляд, обладает значительными эвристическими возможностями.

Семиотическое рассмотрение понятий «текст» и «философский текст» обращает нас к трудам А. П. Алексеева, Д. В. Анкина, Р. Барта, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Д. Дили, Д. Д. Йохансена, Ю. Кристевой, Ю. М. Лотмана, А. Миллера, М. А. Можейко, Е. С. Никитиной, А. Р. Усмановой, У. Эко. Опираясь на изыскания упомянутых мыслителей, можно сделать вывод о недостаточной изученности собственно процессов философского смыслообразования в рамках текстов соответствующей литературной традиции знания.

Попытка семиотического исследования основных вариантов демонстрации парадоксов взаимосвязи значения и смысла в философских

текстах отсылает нас к работам А. Бадью, В. В. Бибихина, Л. Витгенштейна, Ф. И. Гиренка, А. Дворкин, Ж. Деррида, Р. Ингардена, И. Т. Касавина, У. Куайна, Р. Рорти, М. Фуко, М. Хайдеггера, Д. Е. Хардинга, П. Хорвича. Данные авторы, однако, не ставят своей задачей выявление единых закономерностей формирования и развития философского смысла в целом.

Стремясь все же разобраться с подобными закономерностями, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью изучения вопроса об аутентичности истолкования, интерпретации философских текстов их читателями. В целях наилучшего рассмотрения данной проблематики мы обращаемся к понятиям «семиотический код» и «семиотическое кодирование». Это обращение осуществляется на основании произведений Ф. Анкерсмита, Р. Барта, Д. Бартона, Г. Башляра, М. Бланшо, Й. Брокмейера, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ф. Джеймисона, Т. Ф. Дэвиса, В. Изера, Ж. Лангледа, Ю. М. Лотмана, И. Маккензи, Р. Мэйсона, М. К. Петрова, В. Подороги, Н. Пьеге-Гро, П. Рикера, Б. А. Успенского, Р. Харре, Н. А. Черняк, К. Штирле, А. Щюца, У. Эко. Отметим, что упомянутые исследователи не ставят специального вопроса о системном изучении семиотического кодирования именно в философских текстах, а ограничиваются изысканиями в области повествовательных текстов вообще.

Проблема репрезентации самого пути в философию в рамках философских текстов, взятая в горизонте становления философа-автора, освещается на базе трудов М. М. Бахтина, Ж. Делеза, С. Земки, Н. Г. Зенец, Д. С. Лихачева, М. К. Мамардашвили, Х. Мейергофа, Л. Г. Пановой, К. Радфорда, П. Рикера, О. Розенштока-Хюсси, Б. В. Томашевского, З. Я. Тураевой, В. Б. Шкловского, Н. К. Шутой. Обратим внимание на то, что данные мыслители рассуждают в большей степени об авторе как таковом, чем об авторе именно философских текстов. Базовыми частными примерами репрезентации пути в философию в пределах настоящей работы выступают тексты Б. Спинозы и Ф. Ницше. Помимо текстов-первоисточников, основаниями для построения указанных примеров являются произведения Ж. Батая, А. В. Гаретта, У. Дадли, Ж. Делеза, Э. Джианкотти, И. Канта, К. Левита, Г. В. Лейбница, Г. Ллойда, М. К. Мамардашвили, Б. В. Маркова, П. Машрэ, Г. Мура, А. Негри, Ю. В. Перова, В. Подороги, Р. Соломона, М. Хайдеггера, Э. Э. Харриса, Р. Шахта, К. Ясперса.

Вопрос о самоопределении философа в качестве автора, взятый в горизонте исследования значения методологии как таковой для профессиональной жизни любого современного философа, изучается на основе работ Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Канта, П. Козловски, Ш. Сулье, П. Фейрабенда, М. Фуко. Синтез идей данных мыслителей позволяет сделать вывод о существовании и метафизической роли так называемой проблемы метода.

Рассмотрение действующего философа как концептуального персонажа текстуального пространства соответствующей литературной традиции обращает нас к трудам Х. Арендт, Ансельма Кентерберийского, Аристотеля, Р. Барта, В. В. Бибихина, Ж. Бодрийяра, Боэция, П. Брюкнера, Л. Витгенштейна, Ф. Гиренка, А. Ж. Греймаса, Д. Гресса, Ж. Делеза,

Э. Жильсона, И. Канта, С. Кьеркегора, Э. Левинаса, М. К. Мамардашвили, Г. Марселя, Ж. Маритена, С. С. Неретиной, Ф. Ницше, Б. Паскаля, Платона, К. Поппера, В. Руднева, Ж.-П. Сартра, Ц. Годорова, Фомы Аквинского, Ж. Фонтанья, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, Э. Чорана, А. Швейцера, А. Шопенгауэра. Взгляды указанных авторов служат материалом для построения обобщенного литературного образа западного философа в целом.

Таким образом, несмотря на непреходящий интерес к различным аспектам бытования философии вообще и западной философской традиции в частности, можно утверждать, что в современной исследовательской практике нет целостной картины становления и развития философии именно в качестве особой литературной области.

Проблема исследования заключается в необходимости цельного осмысления самого феномена философии, рассмотренного в контексте бытования западной литературной традиции философского знания. Данная проблема может быть конкретизирована в следующих вопросах: какие общекультурные и технологические изменения привели к превращениям значения и роли философии как явления бытия, как изменилось само отношение философского разума к действительности при переходе от устных практик к письменным, каковы базовые жанровые и стилистические характеристики философской литературы, каковы основные принципы смыслообразования внутри философских текстов, какие черты присущи действующему философу как главному концептуальному персонажу текстов философской литературной традиции?

Целью исследования выступает концептуализация на материале западной философской традиции становления и развития философии в качестве специфической разновидности литературы.

Задачи исследования:

1. Проследить формирование и развитие контекста исследований философии как литературы в рамках существующей философской традиции.
2. Охарактеризовать основные жанровые и стилистические особенности философской литературы.
3. Раскрыть значение и роль философской литературной традиции в системе культуры и общества.
4. Выявить базовые особенности превращения смыслов внутри философских текстов.
5. Сконструировать основные концепты философского внутритекстового времени.
6. Аспектизировать представление о становлении субъекта философствования как автора текста.
7. Определить важнейшие характеристики действующего философа как концептуального персонажа текста.

Методологические основания диссертационного исследования

Логика исследования выстраивалась с опорой на феноменологический метод. Само представление о нем согласуется здесь, с одной стороны, с

гегелевским пониманием термина «феномен» вообще в качестве формы явления некоторого интеллигибельно ухватываемого содержания, в качестве актуальной реализации определенной бытийной сущности. Соответственно, в подобном отношении феноменологический метод выступает как такой способ философской рефлексии, при применении которого мы имеем дело с осмыслением структуры и обстоятельств раскрытия той или иной сущности в явленной форме, взятой в единстве ее исторических и субстанциальных характеристик. Данный подход позволил рассмотреть философскую литературу в горизонте ее интерпретации как наглядного воплощения двойственной метаморфозы человеческого бытия, подразумевающей одновременно неизбежное преобразование принципов работы интеллекта в силу перманентных культурных изменений и параллельное превращение самих бытийных оснований культуры.

С другой стороны, апелляция к феноменологическому методу тут означает также обращение к представлениям Э. Гуссерля о познавательном значении дескриптивных процедур и о возможности применения целенаправленной последовательной редукции в качестве важного методологического принципа. Подобная установка послужила отправной точкой для построения целостного описания феноменального контекста исследований философии как литературы, ее жанровых и стилистических особенностей, а также фактической ситуации ее бытования в пространстве современной культуры. В то же время опора на методологический принцип редукции позволила исследовать исторические и сущностные характеристики философской литературы в русле попытки преодоления как всех привычных смысловых напластований, возникших вследствие наличия определенной письменной традиции знания, так и всех простых наглядных очевидностей, актуализируемых в информационном пространстве самим фактом словоупотребления термина «философия».

Важнейшими методами диссертационного исследования стали также семиотический и герменевтический методы. При этом обращение к семиотическому методу предполагает здесь рассмотрение различных явлений бытия в горизонте их практической представленности посредством тех или иных знаковых систем, изучение принципов организации которых делает возможными экспликацию и последующее истолкование содержания исходных бытийных феноменов. В частности, эвристические потенции семиотического метода были использованы при анализе механизмов смыслообразования внутри философских текстов, при изучении вариантов демонстрации парадоксов связи значения и смысла в основных предметных областях философии, а также при освещении вопроса о закономерностях кодирования информации в философских текстах и процесса их интерпретации читателями. Данные изыскания позволили сформулировать представление о ряде базовых принципов семиозиса в рамках философской литературы.

Применение герменевтического метода опирается тут на отношение к предмету исследования как к сложному единству некоторых его прямых свойств и подразумеваемых косвенных коннотаций, требующему не только системного анализа, но и индивидуализирующего понимания, внутри которого, по выражению Г.-Г. Гадамера, значения слов живого языка сливаются со значениями терминов. Подобный подход был использован в диссертационной работе при изучении особенностей бытования самого по себе философского смысла в рамках текстуального пространства западной философской литературной традиции знания. Это сделало возможным соответствующее рассмотрение проблемы композиции философского текста, вопроса о способах репрезентации пути в философию в нем, а также обстоятельств становления субъекта философствования в качестве автора текста и одновременно в качестве основного философского концептуального персонажа.

Значимыми для диссертационного исследования оказались также и некоторые общелогические приемы. Речь идет, прежде всего, об абстрагировании, обобщении, сравнении и различении. В частности, прием абстрагирования был применен при конструировании общего концептуального видения философии как разновидности литературной деятельности, в процессе которого с очевидностью показало себя отсутствие абсолютного, безусловного изоморфизма между содержанием предлагаемой теории и полнотой фактической реальности философии как наличного бытийного феномена. Общелогические приемы обобщения, сравнения и различения сыграли важную роль при построении разного рода классификаций, необходимость которых оказалась заданной самой структурой диссертационной работы, как то: классификации философских жанров, стилистических особенностей философской литературы, вариантов смыслообразования в различных предметных областях философского знания, базовых текстуальных фигур действующего философа.

Основная идея диссертационного исследования заключается в представлении на материале западной философской традиции феномена философии в качестве особого типа писательства.

Научная новизна исследования

1. Установлено, что в рамках существующей философской традиции в соответствии с ее внутренней, имплицитной логикой сформирован устойчивый контекст рассмотрения философии как особой разновидности литературы.

2. Разработана классификация жанров философской литературы, выявлены ее стилистические особенности в сравнении со стилями научной и художественной литературы.

3. Показано, что место философии в культуре и обществе определяется в соответствии с тремя основными позициями – специфической разновидностью интеллектуальной деятельности, определенным сортом

гуманитарного знания и социальным институтом профессионального философствования.

4. Предложена концепция основных принципов семиозиса внутри философских текстов, рассмотрены базовые характеристики смыслообразования в рамках проблемных полей онтологии, гносеологии и антропологии, рассмотрено понятие «философский текст» в русле понимания его в качестве результата превращения топики семиотических кодов.

5. Предложены концепты философского внутритекстового времени – концепт времени как протяженности и концепт времени как напряженного включения.

6. Показано, что ключевым моментом самоопределения философа как автора является выбор метода построения композиции текста.

7. Разработана концепция фигур действующего философа как основного концептуального персонажа философской литературы.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Внутри наличной философской традиции существует устойчивый контекст рассмотрения философии в качестве литературы. Начало его формирования восходит еще к античности и связано с попытками осмысления технологических изменений в формах хранения и передачи информации вообще и отношений между устной речью и письмом в частности. Данные изменения повлекли за собой трансформацию всего пространства человеческой мысли, в результате чего постепенно все отрасли и области знания (в том числе, и философия) с неизбежностью стали приобретать вид литературных практик.

2. К основным жанрам философской литературы можно отнести философскую поэму, «сократический» диалог, монологический трактат, статью, эссе, очерки, письма, афоризм, интервью, учебник по философии и лекции. Стилистика философской литературы занимает промежуточное положение между стилистическими научной литературы и художественной литературы. К ее базовым характеристикам относятся 1) «серьезность» выражения; 2) наличие устойчивых терминологических рядов; 3) высокая степень «когнитивной вязкости»; 4) апелляция к креативному потенциалу метафор и метафорических образов; 5) отсутствие в тезаурусах ориентации на построение в отношении входящих в них терминов каких-либо референтных зависимостей; 6) выстраивание сюжетов вокруг попыток разрешения принципиально неразрешимых задач; 7) вымышленность оснований; 8) ориентация на определенную степень эмоциональной включенности читателя; 9) релевантность сюжетов по отношению к тайнам бытия; 10) ориентация на редукцию эротизма; 11) нормативное задание виртуальных границ всех вероятных превращений смысла.

3. Социальная и культурная значимость философской литературы в современных условиях сопряжена с бытованием определенного типа интеллектуальной активности, специфической разновидности гуманитарного знания и социального института профессионального философствования.

Подразумеваемая интеллектуальная активность форматируется следующими правилами «грамматики мысли»: 1) вероятные онтологические распределения мира носят множественный характер; 2) невозможно построить абсолютно «чистый» философский дискурс; 3) совершение некоторых интеллектуальных выборов неизбежно; 4) пространство философии организовано по принципу игры; 5) идеальным итогом письменного философствования является достижение состояния когнитивной нейтральности. Гуманитарность философии опирается на представление о бесконечной смещаемости содержания такого означающего, как понятие «человек». Профессиональное философствование соотносится с тройной задачей конституирования базовых культурных универсалий, структурирования оснований системы образования и априорной маркировки поля отношений между дискурсом власти как таковым и официально одобряемым интеллектуальным дискурсом.

4. «Местом» непосредственного осуществления философствования является философский текст, который может быть рассмотрен как континуум возникновения и превращения особых смыслов. Философский текст выступает материальным воплощением философского языка, который актуализирует событие двойного похищения естественного языка. Первым похищением является введение запрета на использование ближайших и привычных значений слов, вторым – показ отсутствия прямой логической связи между становящимся смыслом и значениями слов вообще. Философский смысл является телом события второго похищения естественного языка, демонстрирующим существование точки разрыва и отношений нонсенса между феноменами значения и смысла как таковыми.

5. Количество способов похищения естественного языка философией совпадает с количеством разделов философского знания. Онтологический способ похищения естественного языка предстает в качестве попытки показа диссонанса между естественной человеческой интуицией упорядоченности и постепенной неизбежной энтропией всякой упорядоченности в знаковых системах. Гносеологический способ похищения естественного языка является попыткой построения общей теории присвоения значений, существо которой сводится к демонстрации произвольности этой процедуры, связанной с невозможностью однозначного определения понятия «значение». Антропологический способ похищения естественного языка следует рассматривать в качестве попытки говорения о формальных аксиомах восприятия, факт актуализации которых демонстрирует устойчивое противоречие между человеком как местом любого смысла и бессмысленностью предположения о том, что это место занято.

6. Смыслообразование внутри философских текстов связано с их интерпретацией читателями. На основании теории текста как топики из пяти семиотических кодов – герменевтического, семического, символического, проайретического и гномического – можно выделить в качестве универсальных для философских текстов соответствующие направления

смыслообразования. Интерпретация герменевтического кода связана с рассмотрением наименования текста, характера постановки проблемы, рассматриваемой в тексте, общей направленности используемой терминологии. Работа с семическим кодом позволяет обнаружить действующие в тексте коннотативные означаемые, имеющие вид концептуальных персонажей и концептуальных стихий. Символический код помещает читателя в поле дискурсивных ассоциаций, вызываемых используемыми риторическими фигурами и понятиями. Проайретический код отсылает читателя философского текста к процессу разворачивания последовательности событий внутри философского «сюжета». Гномический код демонстрирует читателю вовлеченность текста в систему культуры посредством превращения в исторически значимый нарратив.

7. Становление субъекта философствования внутри пространства текстов связано с условным временем формирования философского мышления, временем продвижения в философию. Можно говорить о двух конструктах времени внутритекстовых миров – времени как протяженности и времени как напряженном включении. В первом случае речь идет о построении целеориентированной практики философствования, носящей характер рационального проекта, во втором случае – о необходимости актуального переживания философии как состояния, инициированного временностью бесконечности настоящего. «Типичным» случаем интерпретации философствования в горизонте времени как протяженности являются взгляды Б. Спинозы. «Типовым» вариантом понимания философствования в контексте времени как напряженного включения выступает философия Ф. Ницше.

8. Деятельность философа в качестве автора текста связана с поиском собственных методологических оснований и с формулированием исследовательской темы. Современный профессиональный мыслитель постоянно имеет дело с проблемой метода, которая, сводится вовсе не к поиску метода как такового, а к устойчивому усилию по конституированию в своей деятельности интеллектуальных условий, делающих этот поиск и это формулирование очевидно неизбежными. Экспликация «своего» метода и «своей» темы исследователем возможна только как результат когнитивного прорыва сквозь структуру письменного философского дискурса, подразумевающего блокирование традиционных ссылок, группирующихся вокруг понятия «метод», конструирование собственного пространства тематических ссылок на основе положений «своего» метода и построение в нем композиционной структуры «своей» темы.

9. Субъект философствования может быть рассмотрен в качестве основного концептуального персонажа философии. На основании концепции внутритекстовых фигур Р. Барта необходимо выделить семь наиболее значимых фигур действующего философа, а именно фигуры одиночества, умирания, подвижничества, травмированности, виновности, причастности чуду и Богоискательства.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается:

- в возможности методологического использования его результатов для решения различных задач в области онтологии и теории познания, связанных с необходимостью осмысления бытийных оснований функционирования письменных дискурсов и литературных традиций знания;

- в перспективе использования полученных материалов для разработки учебных курсов различных философских дисциплин.

Апробация работы

Основные положения диссертационного исследования доведены до сведения научной общественности на конференциях и конгрессах различного уровня: всероссийской гуманитарной конференции «Бытие и язык» (Новосибирск, 2004), IV Российском философском конгрессе (Москва, 2005), всероссийской научной конференции «Первые Лойфмановские чтения: Аксиология научного познания» (Екатеринбург, 2006), всероссийской научной конференции с международным участием «Конструирование человека» (Томск, 2008), XXII Всемирном философском конгрессе «Rethinking of philosophy today» (Сеул, 2008), межвузовской конференции «Бытие культуры и истории» (Новосибирск, 2009), всероссийской научной конференции «Реальность. Человек. Культура: антисциентизм – философская и культурологическая специфика. Ореховские чтения» (Омск, 2011), всероссийской научной конференции «Реальность. Человек. Культура: Философия конфликта» (Омск, 2012), всероссийской научно-методической конференции «Опыт осуществления модернизации высшей школы: идеи и рекомендации» (Новосибирск, 2013), международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы модернизации высшей школы» (Новосибирск, 2014), всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Модернизационные процессы в обществе и на железнодорожном транспорте: исторический опыт и современная практика» (Омск, 2014).

Структура и объем исследования

Текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, содержащего 428 наименований. Работа изложена на 312 страницах компьютерной верстки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяется состояние разработанности проблемы, указываются методологические основы работы, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, а также научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «Формирование контекста исследований философии как литературы» посвящена рассмотрению генезиса представлений западной интеллектуальной культуры о философии как особой

разновидности письменной литературной практики, а также самих сущностных характеристик и условий бытования данной практики.

В первом параграфе ««Галактика Гутенберга» как феномен культуры» речь идет о трансформации пространства человеческой мысли, явившейся следствием перехода человечества от устных форм хранения и передачи информации к письменным формам, о неизбежности преобразования в подобных условиях всех отраслей и областей знания (в том числе, философии) в определенные письменные литературные традиции, функционирующие на основании некоторых устойчивых внутренних закономерностей.

Подраздел «Концепт «Галактики Гутенберга» и технологические эффекты письменности» опирается на обращение к концепции М. Мак-Люэна, согласно которой письменность разрушила общую «экологию» культуры за счет привилегированного развития зрительной способности человека в ущерб всем остальным, сделала возможным изобретение «грамматик» мысли, породила массовую шизофрению, усилила централизующие тенденции в современных государствах и способствовала появлению в социуме специфических групп отчужденных индивидов. Одним из важнейших технологических эффектов письменности стала необходимость рассматривать все существующие в культуре области знания в качестве специфических литературных практик. При условии, что сам термин «литература» следует понимать тут как область, включающую в себя все проявления и превращения письма, протекающие в пределах соответствующих областей знания. Подобная необходимость обращения к вопросам формальной «литературности» знания формируется особой культурной атмосферой, ощущающейся как осознание невозможности преодоления опосредованного влияния книг и их персонажей на жизнь человека. Термин «литературность» в данном случае означает отсылку к особым условиям социального и культурного бытования тех или иных письменных практик, при которых нельзя более рассуждать о знании в чистом виде, знании как таковом, знании, свободном от любых эффектов технологии фиксации знания, а можно говорить, скорее, об определенных типах писательства.

При подобном подходе становится очевидным, что вообще понятие «литература» в письменной культуре постепенно и закономерно превращается в понятие, обладающее социальным, политическим, идеологическим, экономическим и юридическим смыслом. Политический смысл термина «литература» заключается, с одной стороны, в том, что вообще разного рода литературные традиции иногда могут рассматриваться в качестве носителей специфического «национального духа», а, с другой стороны, в том, что в наши дни литература способна выступать как средство борьбы за власть и как ставка в этой борьбе. Социальное содержание понятия «литература» заключается в неизбежном разделении письменного общества на тех, кто в силу своего уровня доходов и/или образования имеет

фактический доступ к разного рода литературным достижениям и тех, кто такого доступа не имеет, каковая ситуация конечно же не может не создавать определенной, хотя и не всегда осязаемой явно, социальной напряженности. Идеологическое значение понятия «литература» состоит, прежде всего, в том, что, поскольку именно разного рода литературные грамматики, с очевидностью, выполняют в пределах письменной «конфигурации событий» функцию сохранения и передачи культурной памяти, постольку здесь всегда существует возможность влияния на этот процесс и даже вероятность его программирования. Экономический смысл термина «литература» с очевидностью следует из всего вышесказанного: в печатной культуре литература постепенно начинает рассматриваться, с одной стороны, как средство возможного личного обогащения, а, с другой стороны, вообще как сфера купли-продажи, внутри которой завязываются отношения производства и потребления. И, наконец, юридическое содержание понятия «литература» сводится сейчас к возникновению в рамках письменного, печатного литературного пространства своеобразных отношений интеллектуальной собственности, регулируемых специальным законодательством, присваивающим «авторам», «читателям» и «книготорговцам» определенные права и обязанности.

В подразделе **«Развитие философии письма»** исследуется проблематика отношений и связей между устной речью и письмом в истории европейской философской традиции. Под «письмом» здесь имеется в виду бытийное явление, порожденное распространением письменности и сводящееся к навязчивой культурной необходимости графической фиксации значимого мыслимого. Основной ретроспективной тенденцией тут является переход от рассмотрения письма как вторичного по сравнению с речью феномена к пониманию его в качестве вполне самостоятельного явления и даже в качестве условия возможности членораздельной речи.

Так, для античной эпохи было характерно представление, выраженное Платоном и Аристотелем, о неразрывной связи между мышлением и устной речью, то есть понятия *logos* и *phone* всегда рассматривались здесь в качестве синонимов. В отношении же письма преобладало мнение о нем, как о «жалком подобии» речи. Средневековая европейская философия в лице, например, Блаженного Августина, Боэция и Исидора Севильского была сосредоточена на исследовании взаимосвязи между словами языка и знанием человека, понимаемого, прежде всего, как Божье создание, о сути называемых вещей и, тем самым, на прояснении принципиальных возможностей человеческого познания в деле освоения сотворенного Богом (через Слово) мира. «Говорящее» начало в человеке рассматривалось тут как одно из определяющих элементов его сущности, графемы же считались простым отображением фоном.

В рамках философии Возрождения письмо, с одной стороны, продолжало восприниматься в качестве феномена, более «удаленного» от интеллекта, чем устная речь, но, с другой стороны, уже появляется

представление о нем как о важнейшем инструменте «сохранения» памяти. Об этом писал, к примеру, Николай Кузанский.

В эпоху Нового времени проблема соотношения устной речи и письма заявила о себе в противостоянии рационалистической и эмпирической традиций философствования (с сохранением наметившихся ранее интенций);

Однако прорыв в осмыслении вопроса о связи письма и речи относится к XIX и XX векам. Именно в это время возникают самые интересные концепции языка вообще. По наиболее общей ориентации соответствующих глобальных точек зрения на язык как таковой (в единстве его устной и письменной форм) здесь можно выделить следующие направления в рассмотрении исследуемой проблемы – деятельностное, семиологическое, постсемиологическое, аналитическое, коммуникативное, герменевтическое, феминистское. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время проблема взаимосвязи устной и письменной форм языка является достаточно актуальной для западной философии.

В целом, необходимо констатировать постепенное осознание различными мыслителями существенных изменений самой конфигурации мышления под воздействием усиления общей значимости письма, которое, конечно же, не могло не сказаться на всех типах человеческого интеллектуализма, в том числе философском.

Второй параграф «Литературные характеристики философии» обращается к изучению значимых особенностей философии, взятой в качестве письменной литературной традиции знания.

Подраздел «Философские жанры» посвящен рассмотрению основополагающих форм философского письма, то есть его жанров. Номенклатура данных форм в настоящее время достаточно обширна и периодически пополняется. В качестве ее основных составляющих можно назвать жанры философской поэмы, «сократического» диалога, монологического трактата, статьи, эссе, очерков, писем, афоризма и интервью. Дополнительно следует упомянуть о двух разновидностях философского письма (условно близких к феномену жанра), связанных не столько с философствованием как таковым, сколько с процессом обучения философии, а именно об учебнике и лекциях.

В отношении характеристик жанра философской поэмы можно высказать следующие соображения: а) само использование данного жанра для выражения того или иного философского содержания автоматически привносит в это содержание некую риторическую составляющую повышенной концентрации; б) поэтическая форма усиливает воздействие на читателя высказанных через нее идей, придает этим идеям некую эмоциональную окраску, первоначально, возможно, им не свойственную; в) в силу того, что жанр философской поэмы не слишком характерен для западной философской традиции, в литературной ретроспективе всякий случай его появления выглядит не только отчасти маргинальным, но и рассчитанным на определенный интеллектуальный переворот.

Существо «сократического» диалога заключается в «разыгрывании» в «лицах» определенной ситуации мысли. При этом каждое из «лиц» озвучивает какую-либо позицию в отношении той проблемы, которая собственно и явилась побудительной причиной складывания соответствующей интеллектуальной ситуации. Общая композиция диалога построена таким образом, чтобы, не давая окончательных, готовых ответов, его автор мог подтолкнуть читателя к размышлениям на заданную тему и к поиску собственных ответов на те или иные вопросы.

Монологический трактат представляет собой смысловую конструкцию, содержащую две основных составляющих: описание структуры некоторого философского универсума и описание своего рода «поверхности» данного универсума. В случае первой составляющей речь идет о введении совокупности принципиальных понятий, задающих философское видение, в случае второй – о прояснении существа, внутренних закономерностей и перспектив сконструированного таким образом видения. Иногда содержание монологического трактата разворачивается его автором как своеобразная философская «автобиография».

Любая философская статья может быть рассмотрена как относительно небольшое по объему философское сочинение, описывающее образованные взаимными превращениями понятий метафизические ландшафты. При этом по сравнению с монологическим трактатом статья обычно отличается либо большей схематичностью в изложении материала, либо лаконичностью выражений, либо стремлением ограничиться конкретным сегментом перспективы возможного видения проблемы.

Жанр эссе предлагает нам образцы философских этюдов, набросков, в которых в непринужденной и зачастую парадоксальной форме излагаются определенные соображения по интересующим поводам. В каком-то смысле, эссе – это очень «трудный» жанр, требующий значительного писательского мастерства: здесь философу – писателю необходимо продемонстрировать умение мгновенно погружать читателя посредством своего текста в некоторые состояния. Эссе должно быть написано так, чтобы сразу (без предварительных объяснений по поводу рассматриваемых перспектив философского зрения) «открывать» перед читателем соответствующие уровни интеллектуального напряжения и всевозможные концептуальные горизонты.

Философские очерки представляют собой вариант произведения с горизонтальной логикой: содержание очерков чаще всего разворачивается не поступательно и последовательно от первого очерка к последнему, а описывает своего рода смысловые круги в пространстве, заданном некоторыми сущностными вопросами, актуальными темами, либо риторическими конструкциями.

Философские произведения, выполненные в эпистолярном жанре, имитируют ситуацию беседы того или иного автора со «своим», специфическим читателем. Точнее, в этом случае реальный либо

вымышленный адресат соответствующего письма играет роль некой обобщенной фигуры идеального, «правильного» читателя, который один только и способен «верно» воспринять содержание данного текста. Таким образом, автор – философ использует сам литературный механизм переписки и вводит определенный «дружественный» образ адресата для того, чтобы усилить эффект наглядности высказываемого смысла.

Философская афористика являет собой предельную метафизическую форму. Эта предельность реализует себя, с одной стороны, в качестве максимального приближения самой процедуры философствования в рамках афоризма к идеалу представления о философии как о любви – стремлении к мудрости. С другой стороны, предельность философской афористической формы может быть определена как достижение максимальной степени концентрации смысла в рамках афоризма.

Философское интервью зачастую является внешней реакцией поля культуры на некоторые социально значимые преобразования интеллектуальной и/или идеологической сферы этого поля. Таким образом, можно заключить, что философское интервью всегда выступает в качестве оригинального пропагандистского проекта и специфического маркетингового решения.

Любой учебник по философии представляет собой попытку систематизации некоторой совокупности специфической, философской «информации». Подобная систематизация, как правило, рассматривается автором учебника, во-первых, в качестве механизма «внесения ясности» во всякое возможное понимание устройства данного информационного объема, а, во-вторых, в качестве необходимого условия «научения» философии определенного круга лиц.

Лекции по философии – это вид письма, родственный, с одной стороны учебнику, но, с другой стороны, отчасти также и очеркам. В лекциях, следовательно, зачастую присутствует стремление к определенному систематизму в сочетании с горизонтальностью логики изложения материала. Эта горизонтальность появляется вследствие наличия в самой структуре лекций «ожидаемых пауз»: ведь предполагается, что лекция – это записанный рассказ, проповедь, «схваченная» письмом в момент произнесения.

В подразделе «Философский стиль» речь идет о сущностных характеристиках собственно философского письма в их сравнении с характеристиками художественной и научной литературы.

Рассуждая о философском стиле, само понятие «стиль» мы предлагаем интерпретировать в следующих контекстах: 1) стиль – это особое движение тела письма, в котором отражается его характер; 2) стиль – это «живое» образование, в том смысле, что он всегда является чем-то большим, чем простой набор приемов и уловок; 3) в феноменологической перспективе стиль – это способ и воплощенная форма реализации сознания; 4) стиль – это

организующий «грамматический» принцип, в соответствии с которым выстраивается структура определенного литературного «языка».

В диссертации делается вывод о том, что стилистика философской литературы занимает промежуточное, переходное положение между стилистическими научной литературы и художественной литературы: те стилистические свойства, которые сближают философию и науку, одновременно разводят философию и художественную литературу (и наоборот). Философия, следовательно, находится на «границе» между наукой и художественной литературой, перекрестно реализуя принципы и того, и другого.

Итоговый перечень стилистических характеристик философской литературы включает в себя такие свойства всякого философского текста, как: «серьезность» выражения, наличие устойчивых терминологических рядов, высокая степень «когнитивной вязкости», апелляция к креативному потенциалу метафор и метафорических образов, отсутствие в тезаурусах ориентации на построение в отношении входящих в них терминов каких-либо референтных зависимостей, выстраивание сюжетов вокруг попыток разрешения принципиально неразрешимых задач, вымышленность оснований, ориентация на определенную степень эмоциональной включенности читателя, релевантность сюжетов по отношению к тайнам бытия, ориентация на редукцию эротизма, нормативное задание виртуальных границ всех вероятных превращений смысла.

Третий параграф «Философская литература в поле современной культуры» затрагивает актуальные проблемы существования письменной традиции философствования в современном культурном пространстве. Указывается на то, что бытование философской литературной традиции связано с некоторым типом интеллектуальной активности, которая в своей основе сводится к процедуре построения письменного дискурса, легитимизирующего то или иное онтологическое распределение мира, и которая форматируется правилами с неизбежностью присутствующей в письменной культуре соответствующей «грамматики мысли».

Правилами современной философской «грамматики мысли» являются следующие предзаданные когнитивные установки: вероятные онтологические распределения мира носят множественный характер; невозможно построить абсолютно «чистый» философский дискурс; совершение некоторых интеллектуальных выборов неизбежно; пространство философии организовано по принципу игры; идеальным итогом письменного философствования является достижение состояния когнитивной нейтральности.

В силу общей «несвоевременности» философии стратегия интеллектуального действия, характерная для нее, находится в противоречии к аналогичной стратегии, действующей в современной культуре в целом. Если общекультурной мыслительной стратегии сейчас свойственны ориентация на «модность» и «простоту» мысли, установка на рентабельность

всех формулируемых идей, положение о необходимости наглядных перформансов и завлекающих маневров в сфере интеллекта, а также установка на подчинение «воли» интеллекта характеристикам той или иной «внешней», общественной роли (либо функции) субъекта, то стратегия философского действия предполагает теперь ориентации на одиночество-в-медитации субъекта, «сложность» мысли, прямую прагматическую бесполезность конечного продукта деятельности мышления, неуклонное следование интеллектуальному «долгу» и непоколебимую верность принципам когнитивной «совести».

Существование письменной традиции философствования предполагает возможность обращения к устойчивому блоку философского знания, рассмотренного в качестве разновидности гуманитарного знания, каковое сейчас все в большей степени воспринимается как сфера применения принципа деконструкции. Этот принцип может быть сформулирован в следующем виде – всякий эксплицированный смысл является продуктом аналитики лишенных инвариантного содержания означающих. Суть заключается в том, что любое преобразование «гуманитарного» знания, любое расширение его объема мыслится теперь как осуществляющееся за счет смещения привычных значений означающих, ставших объектом аналитики в рамках того или иного конкретного исследования.

«Гуманитарность» философии обладает рядом особенностей по сравнению с «гуманитарностью» всех иных видов подобного знания. Источником этих особенностей является характерный исключительно для философии способ рассмотрения понятия «человек». В рамках любой разновидности «гуманитарного» знания (за исключением философской) понятие «человек» является одним из тех понятий, которые не могут быть смещены в отношении оснований соответствующей предметной области никакими частными попытками анализа. Философский же подход к «человеку» базируется на представлении о бесконечной смещаемости любых вероятных значений данного термина в пределах самой сферы того или иного конкретного акта философствования.

Существование письменной традиции философии сопряжено также с наличием в рамках современной культуры определенного социального института профессионального философствования. Функционирование данного института связано со следующими обстоятельствами: профессиональная философия является репрессивной инстанцией, предназначение которой состоит в конституировании базовых культурных универсалий; именно основополагающие презумпции институализированной философии структурируют базис системы классического образования; сам факт существования профессиональной философии априорно задает поле отношений между дискурсом власти как таковым и официально одобряемым интеллектуальным дискурсом.

Вторая глава «Философский текст» посвящена изучению процессов смыслообразования внутри философских текстов. Непосредственно

материалом этого изучения послужили тексты западной философской традиции.

В первом параграфе «Философский текст как семиотическая среда» осуществляется семиотическое рассмотрение обстоятельств становления философского смысла.

Подраздел «Понятие «философский текст» в перспективе семиотики» содержит исследование самого термина «философский текст» в качестве «места» непосредственного осуществления философствования, в качестве особого континуума, внутри которого возникают и превращаются соответствующие особые смыслы. Основой исследования этих смыслов становится семиотика, понимаемая предельно широко как учение о смыслах человеческого сознания, о законах порождения смысла вообще.

В соответствии с логикой развития современной семиотической парадигмы, а также следуя общему направлению настоящего исследования, сам термин «текст» необходимо понимать в единстве следующих отношений: письменный характер всякого текста превращает его в форму, институционализовавшуюся на фоне определенной литературной традиции; в каждый момент времени текст демонстрирует собственную смысловую избыточность, которая, однако, ускользает от долгосрочной фиксации; все смыслы, становящиеся в пределах текста, носят процессуальный характер; всякий текст является полномочным представителем всего дискурса.

В силу того, что письменная философия является коммуникативной средой, любой философский текст может быть рассмотрен в качестве материального воплощения особого философского языка, одной из характерных черт которого выступает замкнутость вокруг события специфической метарефлексии. Содержание этой метарефлексии сводится к двойному похищению естественного языка. Первым похищением является введение запрета на использование ближайших и привычных значений слов, а вторым – показ отсутствия прямой логической связи между становящимся смыслом и значениями слов вообще. Подобные рассуждения позволяют говорить о философском смысле как о теле события второго «похищения» естественного языка, демонстрирующем существование точки разрыва и отношений нонсенса между феноменами значения и смысла как таковыми.

Способы похищения естественного языка философией существенным образом различаются. Их количество совпадает с количеством разделов философского знания, а значит, можно говорить об онтологическом, гносеологическом, антропологическом и проч. способах «похищающего» философского действия. Экспликация данных способов связана как с выделением архетипов философствования (метаязыковых и коннотативных), так и с ретроспекцией письменной традиции философствования.

Метаязыковые архетипы философствования связаны, согласно концепции Д. В. Анкина, с постоянным воспроизводством определенных «поведенческих» философских стереотипов, приводящих к появлению метаязыка метаязыка (или «анализа», демонстрирующего важнейшие

структурные связи внутри высказываемого содержательного объема) и метаязыка коннотации (или «критики», показывающей возможность синтеза того или иного высказывания). Коннотативные архетипы имеют отношение к конструированию собственно предмета философствования, обуславливая возникновение коннотации метаязыка (или «метафизики», задающей некоторый сказавшийся образ мира в целом) и коннотации коннотации (или «аксиологии», обосновывающей приоритеты и предпочтения в иерархии высказываний о мире).

В подразделе «Демонстрация парадоксов связи смысла и значения в философских текстах» рассматриваются онтологический, гносеологический и антропологический способы постижения естественного языка философией.

В перспективе семиотического исследования онтологического способа постижения естественного языка философией он предстает в качестве попытки показа диссонанса между естественной человеческой интуицией упорядоченности и неизбежной энтропией упорядоченности в знаковых системах. При анализе текстов западной онтологии можно выделить три базовых глобальных конструкта системы онтологии – конструкт наличия, конструкт присутствия и конструкт следа.

Конструкт наличия есть итог реализации «внешней», отстраняющей попытки «творения» чуждости. По своей природе наличие является интенцией к рассмотрению вещей в их неопределенной объектности, предельным воплощением осознания которой выступает, например, столь же неопределенный термин «субстанция». Наличие стремится к произволу схватывания и фиксации вещей как раз и навсегда данных и находящихся на своих местах. Содержательным ядром конструкта наличия выступает парадоксальная попытка показа упомянутого ранее рассогласования между человеческой интуицией упорядоченности мира и неизбежным растворением этой упорядоченности при любой попытке ее вербального выражения как несуществующего.

Существо конструкта присутствия сводится к следующей идее: выстраивая познавательные, интеллектуальные связи в отношении мира, человек тем самым размещает себя внутри пространства, структурированного этими связями. Присутствие есть «подвешенное», подвижное наличие. Присутствие присваивает статус чуждого только тому, что приближено к человеку. Это приближение рассматривается здесь как продвижение в понимании. Фактически конструкт присутствия связывает диссонанс между человеческими надеждами на упорядоченность мироздания и невозможностью их оправдания при любой попытке говорения о мире с принципиальной спонтанностью понимания.

Основное содержание конструкта следа сводится к следующему рассуждению: все знание о мире, которым субъект располагает в каждый момент времени, а равным образом и все человеческие попытки проникновения в существо вещей, и все вероятные «продвижения в понимании» обусловлены не столько личностными характеристиками и

интенциями самого субъекта, сколько структурой совокупного культурного опыта, накопленного обществом. В конструкте следа фиксируется конвенциональная природа всякой онтологии. Он позиционирует рассогласование между естественной человеческой интуицией порядка и разрушением этого ожидания на фоне редуцирующих метаморфоз знаковых сред как один из основополагающих эффектов функционирования социокультурного пространства самого по себе, который сводится к перманентной демонстрации структурами этого пространства невозможности выработки универсальной идеологии.

В отношении гносеологического способа похищения естественного языка философией необходимо заявить о нем, как о попытке построения общей теории присвоения значений. Существом данной теории является демонстрация непреодолимой произвольности этой процедуры, поскольку само значение понятия «значение» не может быть определено однозначно. Рассмотрение текстов западной гносеологии позволяет выделить три принципиальных разновидности теории присвоения значений – метафизика значения, феноменология значения, психоаналитика значения.

Существом метафизики значения является попытка окончательного соотнесения категории «значение» с абсолютными свойствами объектов, связей между ними и субстанциальными характеристиками сконструированной чуждости вообще. В таком контексте значение выступает в качестве универсального онтологического коррелята. Процедура присвоения значения здесь задается интенцией к предельному масштабированию пространства мысли. Можно констатировать, что в рамках метафизики значения само это понятие рассматривается в контексте неотвратимой неизбежности сверхчувственного опосредования «правильного» взгляда на вещи.

Феноменология значения рассматривает термин «значение» в русле отношения к языковой игре, под которой понимается жизненная ситуация, заключающаяся во взаимодействии субъекта с целенаправленно актуализированными интенциями языка. Это взаимодействие каждый раз задает определенный феноменальный контекст, в рамках которого теперь обозначенная чуждость немедленно принимает тот или иной конкретный вид. Структурными единицами контекстов являются концепты, генеральные совокупности всех тех логических и семантических связей, в которые оказываются вовлечены значения тех понятий, с помощью каковых открываются перспективы зрения на соответствующие вещи, ситуации или отношения. Феноменология значения позиционирует данное понятие как маркер, по мере проявления которого мы можем фиксировать связи мира как нечто все более устойчивое, определившееся.

Психоаналитика значения рассматривает термин «значение» в контексте спонтанных реакций субъекта познания на раздражающие воздействия мира. Спонтанность, о которой идет речь, связана с обусловленностью любой попытки говорения о мире разного рода

коннотациями и ассоциативными рядами. Психоаналитика значения опирается на такое представление о содержимом данного понятия, согласно которому значение само по себе есть результирующая колебаний пространства коннотаций, а равным образом элемент территориального распределения этого пространства вообще.

Антропологический способ похищения естественного языка философией следует рассматривать в качестве попытки говорения о формальных аксиомах восприятия, факт актуализации которых всякий раз демонстрирует устойчивое противоречие между человеком как местом любого смысла и бессмысленностью предположения о том, что это место занято. В текстах западной антропологии присутствует три фундаментальных подхода к формальной аксиоматике восприятия – математика восприятия, экология восприятия и история восприятия.

Под «математикой восприятия» здесь подразумевается отношение к человеку как к условной точке, в которой геометрически соединяются чтойность и мышление. Математика восприятия интерпретирует термин «восприятие» как процесс продвижения в осознании строгой упорядоченности мира, его подчиненности некоторым абсолютным законам, посредством чего осуществляется также и становление геометрического «места» человечности. Математика восприятия демонстрирует нам возможность отношения к фундаментальному рассогласованию между стремлением человека всегда выступать в качестве «осмысленного» существа и отсутствием в равнодушном мире самом по себе прямой необходимости данного «осмысления» как к ситуации, в которой реализуется глобальная человеческая способность к преодолению давления жестокой действительности.

Рассуждая об экологии восприятия, мы имеем в виду общее отношение к человеку как к «телу», пребывающему в мире. В данном случае термин «тело» означает указание на живую органическую целостность человеческого существа, являющегося не пространством «схождения» каких-либо качеств и отношений, а фактическим движением бытия, из которого они вырастают. Что же касается самого термина «восприятие», то здесь оно понимается в качестве фиксации актуального единства явленной чтойности и сознания. Экология восприятия интерпретирует глобальное рассогласование между стремлением человека мыслить самое себя в качестве значимой для существующей реальности инстанции и объективным безразличием мира к феномену человечности вообще как нравственно нейтральное событие.

Говоря об истории восприятия, мы подразумеваем специфическое отношение к человеку как к существу, становление которого в собственном качестве является историческим и культурным событием. «История» есть глобальная интенция понимания «человечности» как изначально неопределенной материи, вечно находящейся в перспективе бесконечного усилия воспитания. Само же понятие «восприятие» интерпретируется здесь в качестве непрерывно возобновляемого акта вписывания действительности в имплицитно подразумеваемое социокультурное «окно Овертона». История

восприятия рассматривает принципиальное несоответствие между непреодолимым желанием человека мыслить собственное существование в контексте идеи высшего предназначения и очевидной невозможностью наглядной экспликации подобного рода судьбы как предлог для включения в игру эффективности форм субъективации.

Обращение к возможностям семиотики в деле изучения способов демонстрации парадоксов взаимосвязи значения и смысла в философских текстах и вариантов похищения естественного языка философией показывает устойчивую невозможность однозначной сегрегации этих способов и этих вариантов.

Второй параграф «Семиотическое кодирование в философских текстах» посвящен изучению проблемы «аутентичности» истолкования, интерпретации философского текста.

Здесь значительным эвристическим потенциалом обладает концепция семиотического кодирования, предложенная У. Эко и Р. Бартом для анализа повествовательных текстов. Работа с понятиями «семиотический код» и «семиотическое кодирование» предполагает обращение к следующим исходным презумпциям: всякий автор в момент создания текста подразумевает в качестве существующего некоторого «правильного» читателя, к которому он обращается; семиотический код не содержится полностью внутри текста, но привносится в него читателем для того, чтобы быть обнаруженным; семиотические коды не однозначны и не статичны; действие кода никогда не ограничивается тем или иным единичным текстом.

Базовой моделью, на основе которой можно рассмотреть процесс интерпретации читателем философского текста семиотических кодов, обнаруженных в нем, следует считать универсальную модель Р. Барта, предложившего топику из пяти семиотических кодов: герменевтического, семического, символического, проайретического и гномического. Речь фактически идет об исследовании возможных направлений истолкования читателем смыслов текста.

Интерпретация герменевтического кода в философском тексте связана с исследованием наименования текста, характера постановки проблемы (или проблем), рассматриваемой в тексте, а также общей направленности используемой терминологии. Обращение к данному смысловому ряду, с одной стороны, позволяет разглядеть ту перспективу бытия, умозрение на которую открывает нам определенный философский текст. С другой же стороны, именно изучение элементов данного ряда дает возможность читателю принять участие в процессе решения некоторой интеллектуальной загадки, а, следовательно, включиться в своего рода игру.

Работа с семическим кодом позволяет изучить действующие в тексте коннотативные означаемые, имеющие вид концептуальных персонажей и концептуальных стихий. Рассуждая о роли семического кода, мы указываем одновременно на субстрат той виртуальной области возможных смыслов, куда увлекает читателя своим писательским искусством всякий философ-

автор, и на основное действующее лицо соответствующего интеллектуального спектакля. Чтение любого философского текста подразумевает, следовательно, что собственно читатель окажется в состоянии «вдохнуть жизнь» в некоторый философский «сюжет».

Символический код в философском тексте помещает читателя в поле дискурсивных ассоциаций, вызываемых используемыми в этом тексте риторическими фигурами и понятиями. Обращение к данному коду, во-первых, обнажает возможность рассмотрения философии в целом как искусства мысли, а во-вторых, тот факт, что нельзя при чтении философского текста избежать некоторых программирующих интерпретацию дискурсивных ассоциаций. Именно расшифровка символического кода демонстрирует читателю философского текста меру его личностной способности к становлению в качестве философа.

Проайретический код отсылает читателя философского текста к процессу разворачивания последовательности событий внутри философского «сюжета». Главный вопрос, на который нужно найти ответ при расшифровке проайретического кода всегда таков: почему создатель текста посчитал необходимым для разворачивания своей концепции запрограммировать читателя на совершение именно данной последовательности интеллектуальных операций? Осмысление неразрывной связи между предзаданным философом-автором количеством звеньев в некоторой мыслительной цепи и пониманием самой природы сопутствующего движения мысли в наибольшей степени приближает всякого читателя к целостному видению разыгранной на его глазах интеллектуальной драмы.

Гномический код демонстрирует читателю вовлеченность философского текста в систему культуры посредством превращения его в исторически значимый нарратив. Эта вовлеченность обнаруживается в каждой отсылке к различным непререкаемым авторитетам, в каждом отказе обосновывать нечто в силу его очевидности или общепризнанности, в приводимых «показательных» примерах, в выборе самого объекта, взятого для исследования и проч. Процедура расшифровки гномического кода в философском тексте становится возможной только после помещения исследуемого текста на определенное место в истории философии, поскольку только в этом случае свойства текста могут быть поставлены в некоторые отношения и к соответствующим характеристикам культуры, и к традиции развития самой философии.

Очевидно, что процесс интерпретации философских текстов – крайне сложное и непредсказуемое предприятие. Для того, чтобы оно было признано состоявшимся, необходимо, чтобы в сознании читателя-интерпретатора провзаимодействовали все указанные выше отношения смысла.

Третья глава «Автор философского текста» посвящена изучению различных аспектов становления философа в качестве автора специфических текстов.

Первый параграф «Репрезентация пути в философию в философских текстах» исследует проблему актуального становления инобытия мышления, связанного с тем, что философская мысль постоянно демонстрирует значительный градиент отклонения от «нормальной» мысли. В этом отношении, всякий отдельный философ выступает частным вариантом пресуществления подобного инобытия, посредством анализа свойств которого мы, таким образом, можем «переместиться» в саму философию. Материей события субъекта философствования выступают философские тексты. Соответственно, на основе изучения значимых тем и писательских пристрастий в работах того или иного философа можно построить проект феноменологии такого субъекта.

В пределах текстуальной размерности феномена философской субъектности показывает себя особая темпоральность, связанная с условным временем продвижения в философию, временем рождения из реальности некоторой специфической литературы и обладающая характеристиками как концептуальности, так и перцептивности. Показателем концептуальности времени философских текстов является сама истинностная природа тех онтологических тайн, с которыми соотнобразится философия. Показательным аспектом перцептивности времени философских текстов выступает принципиальная возможность «свободного монтажа событий» в рамках «путешествия» в философию. Можно говорить о двух конструктах времени внутритекстовых миров: времени как протяженности и времени как напряженном включении. В первом случае мы будем вынуждены иметь дело с построением плана действий по продвижению в философию, целеориентированной практики, носящей характер рационального проекта, а во втором случае – с необходимостью актуального переживания философии как состояния, инициированного временностью бесконечности настоящего.

В подразделе **«Темпоральная характеристика пути в философию у Б. Спинозы: время текстов как протяженность»** речь идет о рассмотрении варианта «типичного» случая интерпретации философствования в горизонте времени как протяженности. По нашему мнению, в качестве основных «вех» на пути в философию в творчестве Спинозы необходимо рассматривать темы «правильной» жизни, собирания распадающегося мира и свободы.

Тему «правильной» жизни в общем виде можно сформулировать так: чистое умозрение, не ведущее к извлечению «правильного» жизненного опыта, не только бесплодно, но и бессмысленно. Речь идет о присущей всему философствованию Спинозы интенции к построению практического, действенного плана мероприятий (и здесь мы впервые встречаемся со временем как протяженностью), целью которого являлось бы содействие грядущему фундаментальному преобразованию самой человеческой природы, заключающемуся в постепенном достижении ею реальной аутентичности самой себе (вот – извлечение опыта). В полной мере подобное событие может состояться только «внутри» философа, который таким манером являет себя в качестве образцового человека. Замысел Спинозы

по построению действенного практического плана, ориентированного на усовершенствование человеческой природы и «правильную» жизнь, следует рассматривать в качестве парадоксального проекта, в котором реализуется вопрошание о способности человека к преодолению ограничений, накладываемых на него логикой разума. Посредством обращения к теме «правильной» жизни, по ходу которой у движущегося в нужном направлении человека «накапливаются» ясность видения и способность поступать в соответствии со своей подлинной природой, Спиноза демонстрирует общую структуру предлагаемого им «пути в философию».

Сформулировать тему собирания распадающегося мира в концентрированном виде можно было бы следующим образом: мир есть порядок, а не хаос только потому, что существуют тела, в которых собираются воедино начала умопостижения и действия. Суть заключается в попытках решения фундаментальной двуединой задачи, которую, как нам кажется, ставил перед собой Спиноза: с одной стороны, разорвав прямые причинно-следственные связи между простым длением логики разума и обладанием истинными идеями, голландский мыслитель оказался перед лицом необходимости построения адекватного обоснования факта целостности мира, возможности говорения о нем как о сущности, подчиненной определенным рационально постигаемым законам, с другой же стороны, декларируя человечность в качестве события, Спиноза одновременно поставил и вопрос об онтологических основаниях свободы. Обращение к теме собирания распадающегося мира позволяет Спинозе продемонстрировать двоякую сущность всякого человека-философа. С одной стороны, он есть актуальная телесная воплощенность возможности дления во времени самого разума. С другой же стороны, особенность человека-философа состоит еще и в максимальной близости его к Богу (в качестве истинного собирателя распадающегося мира).

Тема свободы связывается нами с имеющей место в спинозизме декларацией человечности как события, вследствие чего можно говорить о следующей ее условной формулировке: свобода есть атрибут необходимости, с которой реализуется природа. Данная тема приводит Спинозу к отношению к субъекту философствования как к единственно и до конца свободному существу. В подобном контексте, рассуждая о возможном «пути в философию», Спиноза предлагает путь постепенного подлинного освобождения человека: фактически предметами «накопления», превращающего простого человека в философа, выступают не только ясность видения всего происходящего в мире и способность всегда действовать в соответствии со своей истинной природой, но и способность поступать «по закону» добровольно.

В общем виде предлагаемое голландским мыслителем перемещение в философию следует мыслить в отношении постепенного превращения «внутри» философа наивного экспериментатора в умудренного опытом созерцателя, внимающего абсолютному и самодостаточному Благу.

В подразделе «Темпоральная характеристика пути в философию у Ф. Ницше: время текстов как напряженное включение» ведется разговор о взглядах Ф. Ницше как о «типовом» варианте понимания философствования в контексте времени в качестве напряженного включения. С нашей точки зрения, базовыми темами ницшеанства, способствующими соответствующему продвижению в философию можно считать темы борьбы с психологией, неизбежности распада сущего и великого отказа от посредничества.

Общей формулировкой темы борьбы с психологией необходимо считать следующую сентенцию: извлекается не тот опыт, который ты хотел бы извлечь, а тот, который ты извлекаешь. Рассуждая здесь о психологии, мы указываем на присущую человеку склонность принимать личные волнения и страсти за фактические превращения реальности, путать желаемое и случившееся. Одним из наиболее вредоносных эффектов психологии Ницше считает так называемое удвоение мира. Речь идет о достраивании к простой и очевидной реальности некоего странного добавления, называемого различными «мудрецами» прошлого истиной.

Простая формула темы неизбежности распада сущего звучит так: все заканчивается. Говоря о неизбежности распада сущего, мы подразумеваем ту странную очевидность, которую обнажает Ницше, – сущее не дано нам. Только отсутствие исторического чувства у «серьезных» мыслителей прошлого позволяло им считать, что некое сущее всегда подлинно и окончательно дано. Однако, по мнению Ницше, в случае актуализации «веселой» философии мы с неизбежностью должны будем осознать, что никакая судьба не довлеет над нами, что фактически термин «сущее», изобретенный морализаторами, обманутыми собственной психологией, является всего лишь вербализацией их надежды на личный покой и безопасность. Ницшеанская картина мира предполагает обращение к очевидности пустоты сущего в том смысле, что в один из моментов «включившегося» времени, рано или поздно, всякий «веселый» философ обязательно обнаружит себя за пределами всего ставшего.

Предельная формулировка темы великого отказа от посредничества звучит так: нет другого способа сделать нечто, кроме как действительно сделать это. Одним из самых шокирующих открытий Ницше, безусловно, является смерть Бога. Однако, на наш взгляд, базовым контекстом «умерщвления» Бога следует считать все же не столько разрушение метафизики и нигилизм, сколько устойчивое отрицание вероятности существования посредников в определенных смертельно важных делах. Используя здесь понятие «посредничество», мы фактически ведем речь о распространенной западной гуманистической иллюзии, ведущей свое происхождение еще из христианской доктрины и утверждающей в качестве очевидно обязательных для исполнения и интуитивно понятных следующие принципиальные тезисы. Во-первых, тут подразумевается отсылка к манифестации превосходства слабых над сильными, выражающейся в рассмотрении сострадания как первоосновы всякой морали. Во-вторых,

разговор идет о требовании постоянной демонстрации «нищеты духа» в целях удостоверения своей лояльности к репрессивному обществу добродетельных (то есть опять-таки, слабых).

В финале тот «путь в философию», который подразумевает Ницше, разворачивается в пространстве всегда внезапного «рождения» так называемого «последнего» человека.

На наш взгляд, совершенно очевидно, что условные темпоральности, явленные и описанные Спинозой и Ницше, маркируют собой два смысловых полюса, между которыми в итоге обретает свое место собственно реальное время философского становления, то есть время, необходимое для подлинной, фактической актуализации феномена философской субъектности в читателе определенных текстов, каковой и является истинным адресатом вообще всех писательских усилий тех или иных философов-авторов. Полюс Спинозы, соответственно, выступает точкой становления человечности как таковой, своеобразным предельным рубежом, при переходе через который личность может по праву заявить о своей полной фактической воплощенности именно в качестве личности. Полюс Ницше есть точка осуществления не ищущей оправданий частной самости человека, место его перехода из состояния бытийной неопределенности (пусть даже и в высоком звании Личности) к состоянию конкретной явленности, аккумулирующему все индивидуальные, неповторимые качества этой самости, пространство «раскрытия» всех потенций именно данного человека, а не человека вообще.

Второй параграф «Самоопределение философа в качестве автора: метод построения философского текста» содержит исследование значения методологии как таковой (проистекающего из непреодолимой «замкнутости» всякого «перемещенного» в философию субъекта в существенном положении специалиста-методолога) для профессиональной жизни любого современного философа, деятельность которого всегда автоматически связана с поиском собственных методологических оснований и с формулированием собственной же исследовательской темы.

Современный профессиональный философ постоянно находится «лицом к лицу» с так называемой проблемой метода, то есть, в конечном итоге, с проблемой конституирования в своей деятельности интеллектуальных условий и познавательных презумпций, делающих этот поиск и это формулирование неизбежными. Это означает, что непосредственно «дело» современного профессионального философа всегда начинается именно с решения проблемы метода как таковой.

Обязательная рефлексия современного профессионального философа над проблемой метода предполагает финальное осознание того факта, что экспликация «своего» метода и «своей» темы возможна только как результат определенного когнитивного прорыва сквозь структуру письменного философского дискурса. Данный прорыв подразумевает последовательное осуществление трех операций: блокирование традиционных ссылок, группирующихся вокруг понятия «метод»; конструирование собственного

пространства тематических ссылок на основе положений «своего» метода; построение в собственном пространстве тематических ссылок композиционной структуры, сюжета «своей» темы.

Примерное обращение к изучению композиций текстов некоторых традиционно значимых для решения проблемы метода авторов, таких как Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Кант, М. Фуко и П. Фейерабенд, позволило нам прийти к следующим общим выводам в отношении исследуемой проблемы.

Проблема метода является проблемой поиска направления единственно верного преобразования действительности, вполне отвечающего и собственным ее ориентациям, и сущностным потребностям человека как такового. Проблема метода выступает как вопрошание о нравственной оправданности существующих концептов реальности и, в этом смысле, как вопрошание о наиболее совершенном концепте. Проблема метода может быть сведена к исследованию взаимосвязи между мыслью и действием, с одной стороны, и между мнимым и подлинным действием, с другой. Проблема метода может быть рассмотрена в качестве проблемы построения программы совершенствования интеллекта с целью превращения его в субстанцию, во всем следующую собственным законам. Проблема метода может предстать перед нами как проблема систематизации оснований понимания в перспективе с задачей осмысления закономерностей перехода к нему из состояния простого знания. Проблема метода выступает в качестве отсылки к изучению воздействия конкретной, фактической формы мысли на ее содержание и одновременно к изучению рычагов влияния этой формы на непосредственное действие. Проблема метода является исследовательским проектом, направленным на рассмотрение способов функционирования социальных каналов трансляции мысли, а также общекультурных последствий обстоятельств такой трансляции. Проблема метода, наконец, может быть интерпретирована как попытка обоснования революционного права всякого человека на ответственное интеллектуальное самоопределение.

Третий параграф «Действующий философ как концептуальный персонаж текста» связан с изучением философа как основного концептуального персонажа философской литературы.

Методологическим основанием исследования философа как метаперсонажа философии в рамках настоящей работы является семиотическая концепция внутритекстовых фигур Р. Барта. Используя ее базовые положения, мы выделяем семь наиболее значимых фигур действующего философа, а именно фигуры одиночества, умирания, подвижничества, травмированности, виновности, причастности чуду и Богоискательства.

Фигура одиночества актуализируется как «вненаходимость» философа. Здесь идет речь о том обстоятельстве, что вообще гипотетическое «место», откуда будто бы говорит философ, всякий раз демонстрирует какую-то другую геометрию по сравнению с геометрией наблюдаемого мира. И в этом смысле, философ – это существо, вечно находящееся «за гранью», вне

видимых пределов реального, а значит и в одиночестве. Другим аспектом одиночества философа является прямая обращенность «места» его речи к истине. И, наконец, третьей стороной одинокого бытия философа выступает его свобода.

Очертания фигуры умирания начинают отчетливо проступать в тот момент, когда мы даем себе труд задуматься о том, что же, на деле и помимо прочего, означает декларированная нами обращенность «места» речи философа к истине. Ведь само понятие «истина», по определению, подразумевает три вещи: 1) истина – это то, что окончательно определилось в своем постоянстве; 2) истина – это то, что возникает в умозрительной перспективе преодоления любой наглядности; 3) истина – это то, что случилось во всей своей возможной полноте. Только смерть гарантирует актуализацию подобных бытийных контекстов.

Фигура подвижничества отсылает нас к идее тяжелого духовного труда, нацеленного на противостояние иллюзорным видимостям, на непрерывное воспроизведение себя внутри движения философии и на следование той героической точности, с которой философ удерживает мир как целое в пространстве своего взгляда. Отношение к философу как к подвижнику впервые задал еще Сократ в его известной афористической формуле: «Познай самого себя». Вторым аспектом подвижничества философа выступает его имплицитный долг породить мысли. И, наконец, последним аспектом философского подвижничества является собственно героическая точность философской мысли как таковой. В данном случае под «точностью» подразумевается фундаментальное единство необходимости «выступить» («действовать») всеми фигурами одновременно.

Обращение к фигуре травмированности подразумевает то, что само философствование, взятое как особое переживание опыта бытия, неотделимо от ощущения неотвратимости потери блаженного неведения по поводу фактически случающегося в мире. Одним из аспектов данной травмы является неспособность философа «привыкнуть» к реальности, принять ее как нечто данное в завершенном виде, однозначно установленное и стихийно понятное в своей простоте. Другой характеристикой фигуры философа как обладателя травмы является его бытийная расположенность в контексте феномена неизбежной интеллектуальной сегрегации, превращающей всякого такого мыслителя в социальную персону *non grata*. И наконец, общая травмированность философа прослеживается еще и в том трагическом постоянстве, с которым неотвратимо утрачивается «материя» его языка.

Фигура виновности – это такая философская фигура, в которой находят себе практическое воплощение, с одной стороны, устойчивые интенции собственно философии к поиску самооправданий, а с другой стороны, неизменные социальные ожидания, связанные с повсеместно предъявляемыми философии претензиями по поводу либо ее очевидной бесполезности, либо тщетности ее усилий. Одним из аспектов виновности философа является его роль «революционера» в области мысли, другим –

его неуместный в глазах окружающих и раздражающий всех эзотерический пафос, третьим – не-аутентичность его деятельности.

Фигура причастности чуду отсылает нас к определенной не-природности, «чуждости» философствования как такового, раскрывающейся, с одной стороны, в отсутствии прямой причинно-следственной связи между собственно течением бытия и событием становления философской мысли, а с другой стороны, в тотальной необусловленности того духовного и нравственного напряжения, с которым движущийся философ обращается к странному предмету своих интеллектуальных медитаций. Еще одним аспектом причастности философа чуду является наглядное «проступание» сквозь его лик очертаний человечности как таковой. Последней стороной сообщенности философа с чудом выступает его извечное желание заявить о собственной соразмерности миру, о сущностной равновеликости ему.

Фигура Богоискательства подразумевает общее отношение всякого философа к Богу как к единственному авторитету, с которым он в принципе соглашается считаться. Еще одним аспектом неустранимого философского Богоискательства выступает греховность философствования как такового, являющаяся оборотной стороной его жертвенной природы. В данном случае, под «грехом» подразумевается тот факт, что философский Бог никогда не может в полной мере оказаться вдруг и Богом религии, то есть чистым объектом радостной веры. Что же касается жертвенной природы философствования, то речь идет о том, что в определенном смысле философ является сакральной жертвой, которая должна быть принесена ради того, чтобы все остальные могли учиться на показательных примерах.

При любом соприкосновении с феноменом письменной философии данный дискурс разворачивается в направлении собственно любопытствующего всеми названными выше фигурами, исследование которых способствует продвижению в окончательном понимании того, чем же собственно является философия.

На основании проведенного исследования следовало бы заявить, что в современных условиях философия выступает специфическим типом писательства, ориентированным на последовательное раскрытие характеристик и принципов письма и писательства как таковых.

В заключении подводятся итоги исследования, излагаются основные его результаты, намечаются перспективы дальнейшего исследования ситуационной проблематики.

Список публикаций по тематике диссертационного исследования:

1. Статьи в журналах, рекомендованных ВАК для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук:

1. Хлебникова О. В. Понятие «философский текст» в перспективе семиотики // Ценности и смыслы. 2011. №5(14). С. 65 – 75.

2. Хлебникова О. В. Профессиональный философ в современном социокультурном пространстве // Идеи и идеалы. 2012. №3 (13). Т.1. С. 119 – 125.
3. Хлебникова О. В. Феноменология Б. Спинозы // Ценности и смыслы. 2012. №4 (20). С. 26 – 35.
4. Хлебникова О. В. Профессиональное исследование и проблема метода // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2012. №5 (112). С. 127 – 130.
5. Хлебникова О. В. Сравнительный анализ стилей философской и художественной литературы // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2013. №2 (116). С. 107 – 110.
6. Хлебникова О. В. Гносеология как теория присвоения значения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. №2. С. 156 – 161.
7. Хлебникова О. В. Литературность знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8. Ч. 2. С. 193 – 197.
8. Хлебникова О. В. Классификация жанров философской литературы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4 (56). Т. 1. С. 201 – 207.
9. Хлебникова О. В. Философ в движении // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 2(16). С. 191 – 196.
10. Хлебникова О. В. Сравнительный анализ стилей философской и научной литературы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10. Ч. 1. С. 184 – 187.
11. Хлебникова О. В. Герменевтический код в философском тексте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11. Ч. 1. С. 186 – 189.
12. Хлебникова О. В. Антропология в контексте семиотики // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1771.
13. Хлебникова О. В. Проблема соотношения речи и письма в современной философии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 5. С. 11 – 18.
14. Хлебникова О. В. Концепт философа как «последнего» человека во взглядах Ф. Ницше // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 346 – 349.
15. Хлебникова О. В. Преподавание философии в призме современности // Alma mater. 2015. № 7. С. 24 – 28.
16. Хлебникова О. В. Репрезентация пути в философию в философских текстах // В мире научных открытий. 2015. № 7.10. С. 3638 – 3546.
17. Хлебникова О. В. Философ как лирический герой текста // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9. Ч. 1. С. 181 – 183.

II. Монографии:

18. Хлебникова О. В. Игра в познание / О. В. Хлебникова; Омский гос. университет путей сообщения. Омск, 2009. 146 с.

19. Хлебникова О. В. Философия в «галактике Гутенберга» / О. В. Хлебникова; Омский гос. университет путей сообщения. Омск, 2010. 130 с.

III. Другие научные публикации:

20. Хлебникова О. В. Образ науки в постмодернизме // Эпистемология и философия науки. 2006. т. VII. № 1. С. 97 – 109.

21. Хлебникова О. В. Постмодернистские фигуры бытия и язык //Бытие и язык: Сборник статей всероссийской гуманитарной конференции. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2004. С.195 – 200.

22. Хлебникова О. В. Философия в «галактике Гутенберга» //Гуманитарные исследования: Ежегодник. Вып.9. Межвуз. сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2004. С. 82 – 87.

23. Хлебникова О. В. О современной философской «грамматике» мысли // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: В 5 т. Т. 1. М.: Современные тетради, 2005. С. 176 – 177.

24. Хлебникова О. В. Проблема культурной ценности философского освоения действительности // Первые Лойфмановские чтения: Аксиология научного познания: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 151 – 155.

25. Хлебникова О. В. Семиотические коды в философском тексте // Гуманитарные исследования: Ежегодник. Вып. 11. Межвузовский сборник научных трудов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 58 – 64.

26. Хлебникова О. В. Интеллектуальные стратегии массовой культуры // Конструирование человека: Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием: В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 300 – 305.

27. Khlebnikova O. V. Literary styles of science and philosophy // Rethinking of philosophy today. XXII world congress of philosophy: abstracts. Seoul: Seoul National University, 2008. P. 10.

28. Хлебникова О. В. «Галактика Гутенберга» как феномен культуры // Бытие культуры и истории: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2009. С. 134 – 144.

29. Хлебникова О. В. Философское мышление // Гуманитарные исследования СГУПС: Сб. науч. тр. Вып. 5. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2010. С. 15 – 22.

30. Хлебникова О. В. Об антисциентизме постмодернистской философии // Реальность. Человек. Культура: антисциентизм – философская и

культурологическая специфика. Ореховские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. В 2-х ч. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. Ч. 2. С. 41 – 43.

31. Хлебникова О. В. Конфликт между природой и историей в современной массовой культуре // Реальность. Человек. Культура: Философия конфликта. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. Ч. 2. С. 68 – 70.

32. Хлебникова О. В. Фигуры философа // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2013. Вып. 29. С. 39 – 46.

33. Хлебникова О. В. Путь в философию // Модернизационные процессы в обществе и на железнодорожном транспорте: исторический опыт и современная практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ОмГУПС. Омск, 2014. С. 375 – 379.

Подписано в печать 29.12.2015. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Плоская печать. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,43. Уч.-изд. л. 2,69.
Тираж 120 экз. Заказ 727.

Типография ОмГУПС
644046, г. Омск, пр. Маркса, 35